

УДК 81-37

Э.В. Ли,

к. ф. н. доцент, ак. профессор Жетысуйского государственного университета
имени И. Жансугурова, г. Талдыкорган, Казахстан,
e-mail: emmaviclee@yandex.ru

Особенности психологической характеристики персонажа в художественном произведении

В статье рассматриваются средства создания психологической характеристики героя повести В. Распутина «Живи и помни». Объектом анализа являются тематические поля тех или иных лексем, играющих существенную роль в раскрытии душевного состояния Андрея Гуськова. Особое внимание уделяется семантическим функциям повторов, при помощи которых писатель показывает деградацию личности, и иррадиации как стилистической фигуре, придающей повествованию особую эмоциональность и драматизм.

Ключевые слова: мотив, лексема, тематическое поле, иррадиация, психическое состояние, жизнь и смерть.

E.V. Lee

Features of psychological characteristic of the hero in the work of fiction

The author of article considers features of creation of the psychological characteristic of the hero in the story by V. Rasputin about the Great Patriotic War. The object of the analysis is the thematic fields of lexemes which play an important part in opening the inner state of mind of the hero. The author pays special attention to semantic functions of repetitions by means of which the writer shows degradation of the personality. Also he considers irradiation as a stylistic figure which gives special emotionality and dramatic nature to narration.

Key words: motive, lexeme, thematic field, irradiation, mental state, life and death.

Э.В. Ли

Көркем шығармадағы кейіпкердің психологиялық мінездемесінің ерекшеліктері

Мақалада Валентин Распутиннің «Живи и помни» («Өмір бойы есіне сақта») повесіндегі кейіпкердің психологиялық мінездемесін жасау тәсілдері қарастырылған. Талдаудың нысаны ретінде Андрей Гуськов кейіпкердің ішкі көңіл-күйін белгілейтін лексемалардың тақырыптық өрістері анықталған. Сонымен бірге, мақаланың авторы оралу тәсілдің семантикалық функцияларына ерекше мән аударып, кейіпкердің ішкі сезімінің нашарланғанын, құлдыланғанын белгілейтін міндеттерін көрсеткен және иррадиация тәсілді стилистикалық фигура ретінде қарастырып, оның ерекшеліктерін атаған.

Түйін сөздер: сарын, лексема, тақырыптық өріс, иррадиация, психикалық көңіл-күйі, өмір мен өлім.

Для показа характера и психологического состояния своих героев зачастую писатели избирают такое время, которое требует высшего напряжения духовных сил народа. Таковым является, в частности, Отечественная война с фашистскими захватчиками. Это не новая те-

ма в русской литературе, память о трагическом прошлом находит достойное отражение в произведениях различных авторов. Неоднократно к теме войны обращался и В.Г. Распутин. Специфика решения им военной темы в повести «Живи и помни» в том, что писатель осмысливает

войну в преломлении к человеческим судьбам и характерам, а также во взгляде автора на войну как на ту же жизнь, только на трагическом ее повороте.

Герои повести поставлены в экстремальные условия, потребовавшие огромного психологического потенциала, что позволило писателю самым детальным образом всмотреться в их характеры. Именно здесь полно реализовался редкий дар В. Распутина угадывать и передавать логику человеческого поведения, взаимоотношений между людьми, диалектику души.

Как и в других произведениях этого автора, в повести с поразительной силой звучит мотив нравственной ответственности человека за все происходящее вокруг, мотив недопустимости нравственных компромиссов.

Действие разворачивается зимой последнего военного года в далекой сибирской деревушке, жители которой делают все для приближения конца войны и ждут вестей от оставшихся в живых родных. Ждет мужа и молодая женщина Настена Гуськова. Но случилось так, что ее муж Андрей дезертировал, не вернулся после госпиталя на фронт. Проанализируем слова тематического поля «психическое состояние», представленные в речевом воплощении образа Гуськова. Рассматривая их и опираясь на текст, постараемся ответить на вопрос: почему Гуськов стал дезертиром, что было причиной его падения? Ведь, отправляясь на фронт, Гуськов не собирался дезертировать. Когда-то он был хорошим работником в колхозе, а на войне считался хорошим солдатом, надежным товарищем, то есть «воевал, как все, – не лучше и не хуже». Что же тогда толкнуло его на преступление? Когда подстерег Гуськова тот момент, заставивший его бессознательно ступить на скользкую дорожку, приведшую в глухую сибирскую тайгу к диким зверям?

Обратимся к 4 главе повести, в которой описывается жизнь героя, начиная с момента отправки на фронт и вплоть до дезертирства. Весть о войне вызвала в нем «оглушенность, неспособность соображать», он чувствовал «ненадежность всего, что с ним случилось, злость, одиночество, обиду» и «холодный, угрюмый и неотвязный страх», перед ним во весь рост стояла смерть. Когда проплывали мимо родной Атамановки, Андрей смотрел на деревню «молча и обиженно, он почему-то готов был уже не войну, а деревню обвинить в том, что вынужден ее покидать». Далее встречаются слова обоз-

лился, злость, невольная обида, у него схватывало сердце. Гуськова обидело то, что слишком спокойно и равнодушно течет Ангара, слишком равнодушно скользят мимо берега. Это вызвало в нем обещание, о котором он помнил всегда: «С недобрым упрямством он вслух пообещал: «Врете: выживу. Рано хороните. Вот увидите: выживу. Уж с вами-то ни черта не делается – увидите» [1, 214]. Уже один этот эпизод свидетельствует о том, что война, явившаяся для всего народа нравственным потрясением и способствовавшая пробуждению в людях самых высоких чувств, не вызвала в Гуськове ничего, кроме животного страха за себя, за свою жизнь, стремления остаться в живых во что бы то ни стало.

Неизбежная закономерность доходящего до крайней степени перерождения человека, отступившего от общечеловеческих норм жизни, прослеживается и в предыстории Гуськова. Нравственная характеристика его восстанавливается по отдельным деталям и штрихам: в воспоминаниях Настены, в исповедальных репликах самого Гуськова, в авторских комментариях. Все они указывают на эгоизм Гуськова, на его индивидуалистические склонности. Вот, например, как стал вести себя Гуськов, когда стало понятно, что близится конец войны и когда появилась «открытая и беспокойная надежда» уцелеть: он начал «примериваться к тому, чтобы его ранило – конечно, не сильно, не тяжело, не повредив нужного, – лишь бы выгадать время» [1, 216]. Летом сорок четвертого

Гуськова серьезно ранило. Он понял, что отвоевался и утешился: «Теперь пусть повоюют другие. С него хватит, он свою долю прошел сполна... Всё – плохо ли, хорошо ли, но уцелел» [1, 216].

Из приведенного отрывка имплицитно выявляются такие черты Гуськова, как безразличие к дальнейшей судьбе Родины, его эгоизм. Он уверен, что теперь его отправят домой, но его выписывают из госпиталя и отправляют в часть. Эта весть «оглушила» его настолько, что он «ничего не мог сообразить», «побежал по врачам, стал доказывать, горячиться, кричать». Он не хотел понять, что война не кончилась: «Он боялся ехать на фронт, но больше этой боязни были обида и злость на все то, что возвращало его обратно на войну, не дав побывать дома [1, 217].

Быть рядом, в своей почти стороне и опять «под пули, под смерть?». В.Распутин демонстрирует здесь необыкновенно тонкое проник-

новение в человеческую душу. Переменяя авторское повествование с несобственно- прямой речью героя, автор показывает, как в Гуськове борются обида, злость на госпитальное начальство, желание повидаться с родными, жалость к себе и непобедимый страх смерти. Сознательное борется с бессознательным, страх оказывается сильнее. И Гуськов как бы начинает уговаривать себя: «Рядом ведь, совсем рядом. Плюнуть на все и поехать. Самому взять то, что отняли. Самовольничали, бывало, он слышал, – и ничего, сходило...» [1, 217].

И тут же боязнь расплаты. На вокзале Гуськов теряется полностью, он не знает, что делать. И на вопрос раненого танкиста «неожиданно» ответил, что едет в Иркутск. Так он оказался в поезде, идущем на восток. И опять уговоры самого себя: «А возвращаться с полдороги – зачем тогда все это затевал, зачем изводился, рисковал, настырничал, кому что хотел доказать? Да и не поздно ли возвращаться?» [1, 218]. И тут он вспомнил показательный расстрел пожилого мужчины, самострела с подвязанной рукой, и молодого солдата, совсем мальчишку, который тоже захотел сбегать домой, в деревню всего в пятьдесят верстах. Вспомнил, с какой ненавистью и брезгливостью смотрели солдаты на самострела, мальчишку же жалели. Но он не мальчишка, выходит, и здесь его ждет то же самое – смерть. И между двумя смертями он выбирает ту, которая обещает ему сначала хоть небольшой покой, хоть какую-то маленькую радость. Он прибивается к немой женщине, у которой просидел «в оцепенении и страхе» не один день, а потом и решил переждать «пока его окончательно потеряют и дома, и на фронте». Так заключен был сговор с самим собой, с собственной совестью, но покоя не было. Он «возненавидел себя», ему «стало невмоготу», «все в нем сдвинулось, перевернулось, повисло в пустоте» [1, 220]. И он решает «двигаться дальше, хоть на смерть, но дальше». Добираясь до Атамановки, отсиживаясь на заимках, Гуськов не раз проклинал себя, терзаясь и раскаиваясь. Он думал повидать родных, а потом можно было пойти и на смерть. Но именно тут Гуськов осознал, что безудержно боится смерти, и не между двумя смертями выбирал он, а пытался убежать и от той, и от другой. Ему страшно признаться себе в том, что он заслуживает смерти. С этого момента им движет только одна сила – дикое, звериное желание жить и страх смерти.

Если сравнить слова тематического поля «психическое состояние», характеризующие

Настену и Андрея Гуськова, то можно заметить, что многие из них пересекаются. Так, слово страх присутствует в характеристике обоих героев. Но страх в характеристике Гуськова выступает больше как простейшее переживание, связанное с инстинктом самосохранения. В характеристике же Настены страх предстает к тому же, на наш взгляд, как переживание более высокого порядка: Настена боится потерять доверие и уважение родных, односельчан.

Если испытание, выпавшее на долю Настены и Андрея, подняло ее на ступеньку выше, то Гуськова оно все дальше и дальше толкало вниз, доводя его до последней степени нравственного одичания. Совершив преступление, Гуськов неостановимо скользит по наклонной к черте, за которой «кончается бытие собственно человеческое и начинается звериное существование» [2, 116].

В тексте повести находим ряд слов и выражений, подчеркивающих постепенное уподобление Гуськова дикому зверю. Так, на вопрос Настены, куда он теперь пойдет, Андрей отвечает: «Куда... Куда-нибудь. К родному брату, к серому волку» [1, 211]. Укрывается Гуськов в старом зимовье, которое будто специально называлось Андреевским. И начались «волчьи» дни, «черные» дни бывшего человека, бывшего солдата. Но он не собирается умирать, он решил потихонечку устраиваться, оглядываться, с чем начинать «новую жизнь». Да и внешне Гуськов переставал быть похожим на человека, лицо его заросло «черной клочковатой бородой», отчего Настена поначалу никак не могла полностью признать его. Андрей отказывается брить бороду: «Пускай торчит. Чтобы не походить на себя. Уж лучше на лешего» [1, 232].

Однажды он признался Настене в том, что не соображает, что делает и зачем, будто не он живет, а «кто-то чужой в его шкуру влез и помыкает» [1, 239]. Выражение влез в его шкуру послужило основой для создания автором прямо противоположного по значению сочетания: «Там было спокойней, привычней, там он не вылезал из своей шкуры...» [1, 247].

В первом случае фразеологизм влезть в шкуру употреблен в общеизвестном значении – «ставить себя на место кого-либо или в положение кого-либо» (кто-то чужой влез в шкуру Гуськова и заставляет его жить не так, как он хочет). Второе выражение имеет другое значение: там – это в нижнем зимовье, где прятался Гуськов-дезертир, где он умел держать себя, не

раскисать; это и была его шкура, оболочка, защищавшая его от самого себя.

Порой накатывало позднее раскаяние, и он от одиночества, заброшенности, от злобы на весь мир начинает подражать старому волку. Он научился выть по-волчьи и «со злорадной, мстительной гордостью» он определил, для чего это ему нужно: «Пригодится добрых людей пугать». И однажды, признавшись Настене, что нелегко ему здесь «зверюгой лесной прятаться», решил продемонстрировать свое умение выть по-волчьи: «...выгнувшись вперед, не сразу, начав со всхлипа, словно доскребаясь до нужного голоса, и, достав, наострив его, пустил тонкий и длинный, режущий по живому, жалобный и убийственный стон [1, 276]. Прежде, чем начать выть, Гуськов принимает

необходимую для этого звериную позу. Сравнение голоса с острым лезвием усиливается, он как бы материализуется, голос приобретает значение конкретного предмета, получая в контексте сему вещественности, предмета, который можно «достать», «наострить», а потом «пустить» и резать по живому. Отсюда определение убийственный. Настену повергает в ужас этот «нечеловеческий голос».

Но наиболее четко проступают звериные черты Гуськова в сцене убийства теленка. Человек и животное здесь как бы меняются местами, все больше звереет Гуськов, корова и теленок наделяются автором многими человеческими чертами и чувствами. Распутин неоднократно употребляет слово челооек вместо имени собственного, каждый раз противопоставляя Гуськова животным. Это привлекает внимание читателя в первую очередь тем, что лексема человек употреблена для описания бесчеловечного поступка человека. На трех страницах, повествующих об охоте Андрея на корову с теленком, девять раз встречается слово человек. Употребление нарицательного существительного вместо имени собственного здесь приводит к текстовым семантическим сдвигам: лексема человек полностью утрачивает сему 'разумный', приобретая в данном тексте сему 'зверски жестокий'. В рассмотренном случае текстовая коннотация находится в противоречии с общеупотребительным значением существительного человек, в результате чего рождается текстовая энантиосемия. Гуськов лишь обличьем напоминает человека, но это уже не человек, поступки и действия его бесчеловечны. Он лишил себя будущего, следовательно, у него не может быть ни

настоящего, ни прошлого. Существование его в заброшенном зимовье – это призрачная жизнь, подобие жизни. Память на короткое время может вернуть прошлое, но оно становится страданием, болью, потому что прошлые ценности вступают в противоречие с призрачностью позорного настоящего. Поэтому воспоминания глубоко враждебны Гуськову.

Сильнее всех чувств в Гуськове оказываются трусость, слабость, страх смерти. Именно они вызывают в нем звериное желание жить, пусть в диком одиночестве, среди диких зверей, жить жизнью бессмысленной, мерзкой, низкой, гадкой, но жить, хотя бы для этого пришлось кого-то убивать, кого угодно, только бы существовать.

Анализ слов и выражений тематического поля «психическое состояние», характеризующего Андрея Гуськова, показывает, что не мимолетная слабость, не случайный порыв толкнули его на дезертирство: эгоистическое, низменное и жестокое начало жило в нем всегда. Уходя на фронт, он проклинает войну не потому, что она – бедствие для миллионов, а потому, что лично ему она встала поперек жизни, оторвала его от привычного уклада и погнала на фронт. Она виновата в том, что его ранили, а потом выписали в часть, она виновата в том, что «полжизни не заступило, а уж всё, конец». Им руководят не долг и честь, а обида, озлобленность, эгоизм, трусость и страх. Губоко таившееся бессознательное постепенно вытесняет разумное, сознательное. Поэтому в лексическом воплощении образа Гуськова и преобладают слова и выражения, называющие эти чувства и состояния.

Даже ребенок, о котором так мечтала Настена, нужен Гуськову только для одного – самооправдания: «... не зря я сюда шел, не зря. Вот она, судьба... Это она толкнула меня, она распорядилась» [1, 272]. «Это ж все – никакого оправдания не надо. Это больше всякого оправдания...» [1, 272]. Но радость и волнение оттого, что Гуськов, наконец, нашел оправдание своему дезертирству. Говоря это, Настену он «не видел, не замечал ее – он говорил для себя и убеждал себя» [1, 272]. На вопрос Настены, что сказать родителям, людям, когда спросят, Андрей отвечает: «Плевать нам на всё». Выражение «плевать на всё», дважды сказанное Гуськовым, как нельзя лучше характеризует его неуважение, пренебрежение и презрение ко всему, кроме того, что касается его самого. Он не способен понять, на что обрекла себя Настена, решившаяся рожать

ребенка в столь трагических для нее обстоятельствах. Даже гибель жены, в которой непосредственно повинен он сам, не в состоянии заронить в душу Гуськова ни жалости, ни самоосуждения, ничего, кроме еще большего желания жить во что бы то ни стало: «Заслышав шум на реке и заподозрив, что он может иметь отношение к нему, Гуськов вскочил, в минуту собрался, привычно приведя зимовейку в нежилой, запущенный вид, и кинулся в тайгу» [1, 272].

Для читателя важно, что Гуськов даже не вспомнил в этот момент о Настене, не подумал, что, возможно, ей грозит какая-то опасность и нужно ей помочь; животный страх смерти окончательно заглушает в нем все остальные чувства.

Анализ показывает, что в характеристике Гуськова доминирующей оказывается лексема зверь. Вначале он и его образ жизни лишь сравниваются с жизнью диких зверей, но потом одиночество, злоба и обида все больше внешне и внутренне превращают его в загнанного, запуганного, жестокого зверя, подчиняющегося лишь животному инстинкту самосохранения. Все это вызывает в читателе отрицательные эмоции, которые создают определенный эмоциональный настрой всего произведения. Согласно правилу семантической иррадиации эти слова и выражения распространяют свою эмоциональность на текст в целом. Чувство страха, тревоги, беспокойства насыщает всю повесть, нарастая, усиливаясь от эпизода к эпизоду.

Контраст жизни и смерти намечается уже в самом начале повести. Оказавшись рядом с родной деревней, Гуськов находит себе пристанище на противоположном, левом берегу Ангара. Ангара приобретает значение символа: река, отделяющая берег жизни от берега смерти. Это признает и сам Андрей: «У тебя была только одна сторона: люди. Там, по правую руку Ангара. А сейчас две: люди и я. Свести их нельзя: надо, чтобы Ангара пересохла» [1, 277].

И зимовье, в котором укрывался Андрей, в повести называется то «дальним, заброшенным углом», то «мертвым углом, где хоронился Андрей», сама зимовейка была «запущенная, без жилого духа», а за окном лежал «не тронутый ничьим следом, блестящий на солнце снег». На островке Гуськов находит пещеру, напоминающую «громадный могильник», куда он уходит после смерти Настены и где, по-видимому, ему придется доживать последние дни. Он сам определяет последний срок: «Он готовил себя к

тому, что идет по последнему кругу и круг этот скоро замкнется: он прожил последнюю осень, последнюю зиму, пропускает последнюю весну, впереди последнее лето» [1, 330].

Но ему не хочется умирать, желание продлить срок жизни заставляет его искать снег, остатки зимы. Растает снег, а вместе с ним должен исчезнуть и Гуськов, поэтому для него снег – символ жизни. А снегу с каждым днем все меньше и меньше и все ближе «последний поворот», за которым наступит «последний недолгий срок его существования». И еще его стали беспокоить лунные ночи: ...чем ярче сияла луна, тем беспокойней, удушливей ему было. Потому что с луной у него были связаны представления о том свете.

К тематическому полю смерти можно отнести и выражения «некрасиво заросшее, как замшелое, лицо Андрея». Это сравнение усиливает мотив смерти. Гуськов и внешне уже напоминает покойника, да и последнее его пристанище – «сырое темное зимовье с горьким запахом спертого, задушенного воздуха».

Анализ лексического наполнения образа Гуськова показывает, что семантически, тематически и стилистически наиболее существенными являются слова, словосочетания и значения, неоднократно повторяющиеся в тексте. Они объединяются в обширные тематические поля «психическое состояние», «жизнь и смерть», облегчают толкование произведения и позволяют выделить особенности В.Г. Распутина в изображении персонажей. Писатель широко использует психологическую и портретную деталь, дающую яркое представление о характере. Он никогда не говорит о героях подробно, как бы выхватывает отдельные частности, выделение которых совсем не случайно. Каждая деталь выражает главное, существенное в поведении героев. Поэтому впечатление о них, об их характерах складывается не из признаний героев или авторского комментария к ним, а на основе тех ассоциаций, которые возникают у читателя в связи с восприятием специально отбираемых деталей, помогающих прийти к определенным выводам.

Стилистическая функция рассмотренных лексических средств заключается в психологической характеристике главных героев, в создании ситуации своеобразной борьбы противоречивых чувств, ситуации, когда герою необходимо сделать выбор, самому определить дальнейший жизненный путь. Для проявления

полярности характеров необходимой бывает особая напряженность действия. В повести она создается за счет такой особенности стилистической функции, как иррадиация, которая распространяет острую эмоциональную тональность на все произведение. Напряженность действия в рассматриваемом произведении сочетается с углубленным анализом внутреннего мира ге-

роев, изображаемого параллельно несколькими средствами.

Таким образом, компоненты обнаруженных в повести тематических полей в контексте произведения выступают как слова с активной функциональной значимостью. Они тесно связаны с темой повести «Живи и помни» и служат более полному ее раскрытию.

Литература

- 1 Распутин В. Живи и помни // Повести. – Горький: Волго-Вят. изд-во, 1985. – С. 182-417.
- 2 Сурганов В.А. Человек на земле. – М.: Советский писатель, 1981. – 563 с.

References

- 1 Rasputin V. Zhivi i pomni // Povesti. – Gor'kiy: Volgo-Vyat. izd-vo, 1985. – S. 182-417.
- 2 Surganov V.A. Chelovek na zemle. – M.: Sovetskiy pisatel', 1981. – 563 s.